Деликтная ответственность в корпоративном праве

СИНИЦЫН Сергей Андреевич, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: synss@mail.ru

В статье ставится и исследуется проблема специфики и оснований деликтов и деликтной ответственности в корпоративном праве, предлагаются теоретически и практически значимые для совершенствования законодательства и науки подходы.

Методы исследования: формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой.

Развитие корпоративных правоотношений предполагает детальную законодательную регламентацию форм и способов защиты корпоративных прав, ясность условий и форм применения гражданско-правовой ответственности за совершаемые правонарушения. Актуален вопрос о разграничении и типизации мер защиты и мер ответственности, применяемых в корпоративных правоотношениях в условиях недостаточной разработанности в российской доктрине положений о гражданско-правовой ответственности и основаниях ее применения в отдельных сферах гражданско-правового регулирования. Традиционное понятие и формы деликта, как и принципы деликтной ответственности, подлежат уточнению применительно к специфике корпоративных правоотношений с учетом изначальной неопределенности юридической квалификации противоправных действий и правонарушений в теории юридической ответственности. Подлежит выяснению вопрос о юридической квалификации, составе и видах, необходимости специального выделения корпоративных деликтов, без чего очевидна фрагментарность и пробельность корпоративного законодательства, и этими обстоятельствами предопределены цели и задачи подготовки статьи. Дискуссионными предстают содержание и природа юридической ответственности менеджмента, мажоритариев и миноритариев за совершение действий, повлекших нарушение корпоративных прав и законодательства, в аспекте разграничения деликтной ответственности, ответственности за нарушение профессиональных стандартов управления или особых фидуциарных обязанностей перед корпорацией, ее участниками и кредиторами. Теоретическое моделирование форм и условий деликтной ответственности в российском корпоративном праве предполагает обращение к доктрине современного европейского корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративная ответственность, злоупотребление корпоративными правами, ответственность менеджмента, баланс интересов участников корпоративных отношений.

Для цитирования: Синицын С. А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54—68. DOI: 10.12737/jrl.2019.10.5

Tort Liability in Corporate Law

S. A. SINITSYN, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: synss@mail.ru

In the article brought to the attention of readers, the problem of the specificity and grounds of tort and tort liability in corporate law is posed and investigated, and approaches that are theoretically and practically significant for improving legislation and science are proposed.

In preparing the article the following methods were used: formal legal, historical, comparative legal.

The development of corporate relations involves a detailed legislative regulation of the forms and methods of protecting corporate rights, the clarity of the conditions and forms of application of civil liability for committed offenses. On the agenda is the issue of distinguishing and typing protection measures and liability measures applied in corporate relations in the context of insufficient development of provisions on civil liability and the grounds for its application in certain areas of civil law regulation in the Russian doctrine. The traditional concept and forms of tort as well as the principles of tort liability must be clarified in relation to the specifics of corporate legal relations, taking into account the initial uncertainty of the legal qualification of illegal actions and offenses in the legal liability torii. The question of legal qualifications, composition and types, the need for special emphasis on corporate tort, needs to be clarified; without this, the fragmentation and whiteness of corporate legislation is obvious; these circumstances predetermine the goals and objectives of preparing the article. The content and nature of the legal responsibility of management, majority shareholders and minority shareholders for actions that entail a violation of corporate rights and legislation in terms of delimiting tort liability, responsibility for violating professional management standards or special fiduciary duties to the corporation, its participants and creditors is debatable. Theoretical modeling of the forms and conditions of tort liability in Russian corporate law involves an appeal to the doctrine of modern European corporate law.

Keywords: corporate responsibility, abuse of corporate rights, management responsibility, balance of interests of participants in corporate relations.

For citation: Sinitsyn S. A. Tort Liability in Corporate Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 10, pp. 54—68. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.10.5

Естественное и непрерывное развитие социально-экономических отношений, урегулированных гражданским правом, преобразует традиционные представления о классических юридических институтах, их наполнении и значении в меняющихся условиях. Это касается и таких древнейших оснований возникновения обязательств, как деликт¹, формы проявления, сфера и условия применения ответственности за который постоянно находятся в фокусе внимания законодателя на всех исторических этапах развития права.

С учетом специфики корпоративных правоотношений требуют уточнения базовые элементы и принципы гражданско-правовой ответственности и основополагающие критерии определения вреда как условия ее наступления. Общепринято рассматривать вред как основание деликтной ответственности, при этом едва ли удастся обнаружить устойчивые, общепризнанные и универсальные критерии, опреде-

ляющие общее понятие и признаки деликта и вреда не только в законодательстве, но и в доктрине развитых правовых порядков современности, пронизанных каучуковыми нормами, культивирующими нравственные начала в частном праве, в аспекте отграничения вреда от правонарушения и противоправного действия, включая случаи злоупотребления правом². Сохраняют дис-

² В отличие от общей теории права (см.: Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 17—18), разграничивающей правонарушения и противоправные действия по критерию вины, в российской цивилистической доктрине таких различий не усматривается — деликт почти неразрывно увязывается с правонарушением и утверждается, что «деликтные обязательства являются одной из разновидностей гражданско-правовых обязательств, поэтому им присущи те же элементы и структурные особенности, которые характеризуют любое обязательственное правоотношение» (Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 7, 13—14). Вопрос о сравнении деликтных с любыми обязательствами остается открытым вследствие пра-

¹ См.: Гусаков А. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. М., 1896. С. 3—11.

куSSIONность вопросы соотношения обязанности, правонарушения, ответственности и санкции³, не говоря уже о типизации возможных видов повреждений вреда в различных сферах гражданского-правового регулирования при его преимущественно абстрактных формулировках⁴. Устои

воохранительного значения и направленности регулирования обязательств из причинения вреда, для которых не окажутся приемлемыми принципы обязательственно-договорного регулирования. Однако выявление и характеристика таких особенностей требуют ясности суждений, что пока вызывает малополезность безаргументационного противопоставления неправомерных и противоправных действий в теории права (см.: Гогин А. А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М., 2016. С. 195); в этом смысле едва ли могут считаться исключением и новейшие работы по гражданскому праву, авторы которых идентифицируют деликтную ответственность явно содержательно недостаточным указанием на то, что в «основе норм деликтного права лежат общеправовые принципы справедливости, законности, а также частноправовые принципы разумности и добросовестности» (Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие. М., 2017).

³ См.: Петров И. Н. Проблемы повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушение обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. С. 15.

⁴ Подходы правоприменительной практики преимущественно являются общими. Например, согласно подходу высшей судебной инстанции вред рассматривается «как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)» (определение ВС РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19). По существу, такой подход воспроизводит известные характеристики вреда, данные в юридической литературе (см.: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из

современного права препятствуют отождествлению вреда и деликтной ответственности как в аспекте соотношения друг с другом, так и с позиций обыденного понимания вреда для традиционного правосознания через негативное воздействие на правовое положение объекта и статус субъекта права, устранение которого в полном объеме могло бы восстановить или компенсировать интерес потерпевшего с учетом принятых законодателем ограничений (нормы об ограничении и снижении ответственности за причиненный вред, дифференциация частноправовых интересов, подлежащих защите, нормативные ограниченные возможности взыскания экономических убытков в некоторых современных национальных законодательствах и др.), а также с позиций разграничения видов вреда (имущественный или неимущественный (репутационный)) и способов его возмещения. Применительно к корпоративному праву формы визуализации вреда и деликта в соотношении с известными обязательственному праву примерами не выглядят столь однозначно. Так, в европейской цивилистике обсуждается юридическая квалификация закрепления в документах эмиссии заведомо ложных сведений об активах эмитента и влияние этого обстоятельства на права нынешних и будущих акционеров и кредиторов корпорации в аспекте возможной ответственности менеджмента и контролирующих участников, что относится к предмету корпоративных, а не обязательственных правоотношений, предоставляя возможность усмотреть проявления абсолютности в корпоративных правах⁵.

неосновательного обогащения. М., 1951), но его заимствование не приводит к ясности соотношения общих и специальных способов защиты гражданских прав в соотношении с мерами юридической ответственности.

⁵ См.: Reehuis W. H. M., Heisterkamp A. H. T. Goederenrecht. Deventer, 2001. P. 154.

Общие положения о деликтной ответственности в корпоративном праве. Нормативно признанная и обеспеченная самостоятельностью и целостностью корпоративных отношений предполагает как специальные основания и предусмотренные законом меры (санкции) гражданско-правовой ответственности (запрет голосования, ограничение корпоративного контроля, исключение участника из общества и др.), так и составы, виды пресекаемых корпоративных правонарушений, что выражает актуальные направления развития российского законодательства.

До настоящего времени в российском законодательстве не сформировалась эффективная, нормативно детализированная и упорядоченная система защиты корпоративных прав, также не установлены и специальные составы, основания, условия применения мер гражданско-правовой ответственности, которые бы отвечали и были востребованы спецификой корпоративных правоотношений, отсутствуют и легальные критерии определения корпоративного деликта. Отдельные нормы российского законодательства и вовсе вносят неопределенность и затруднения. Так, в соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» под возможностью блокировать решения органов управления хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение, понимается возможность иностранного инвестора или группы лиц непосредственно или через третьих лиц препятствовать принятию решений органами управления хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение, в случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации и (или) уста-

вом хозяйственного общества такие решения принимаются квалифицированным большинством голосов или единогласно. Из буквального понимания приведенных формулировок Закона может сложиться ошибочное представление о том, что возможность блокировки корпоративного решения российского хозяйственного общества стратегического значения иностранным инвестором по своей природе представляет не сдерживание корпоративного решения в ходе процедуры принятия корпоративного решения, а должно пониматься в значении недозволенного действия, отвечающего признакам противоправности, что совсем не соответствует цели приведенной нормы закона.

По-прежнему нет ясности с особенностями применения и назначением мер гражданско-правовой ответственности в корпоративных правоотношениях. Между тем очевидно, что способы защиты и условия применения мер гражданско-правовой ответственности в корпоративных правоотношениях должны отличаться от их локализации в обязательственном праве, вопрос лишь в выборе наиболее приемлемого решения доктрины, практики, законодательства. В законодательстве должны быть конкретизированы условия, признаки и особенности гражданско-правовой ответственности применительно к специфике корпоративных правоотношений; легальных формулировок ст. 15 и 1064 ГК РФ в действующей редакции для этих целей оказывается недостаточным, что подтверждается практикой разрешения корпоративных споров. В судебно-арбитражной практике (дело № А07-14085/2017) обнаруживаются тенденции присуждения к убыткам, обосновываемым неэквивалентностью предоставлений и несбалансированностью роста активов в отношениях между юридическими лицами в результате реорганизационных процедур, что по меньшей мере

требует достаточного нормативного основания, которое на текущий момент в российском законодательстве не сложилось при нормативном определении убытков как расходов на восстановление нарушенного права, что предполагает совершение правонарушения (ст. 15 ГК РФ).

Дискуссионными видятся предложения об обособлении идеологической матрицы корпоративной ответственности в особый вид гражданско-правовой ответственности (наряду с деликтной и договорной), такое решение только способствовало бы распочкованию положений о различных формах и мерах подотраслевой ответственности в предмете гражданского права в не связанные друг с другом нормы и институты, а также размножению видов гражданско-правовой ответственности⁶, вместо адаптации мер

и условий применения гражданско-правовой ответственности к отношениям, возникающим в различных сферах гражданско-правового регулирования. Более рациональной видится перспектива нормативного закрепления особенностей мер гражданско-правовой ответственности и способов защиты нарушенных прав (условия применения, составы нарушений, способы защиты и др.) применительно к предмету корпоративного права — такое решение показало бы именно особенности корпоративных правоотношений, не создавая впечатления об их предметной самостоятельности или изолированности в системе права в отрыве от гражданско-правового регулирования или же, напротив, о производности от обязательств. Иначе говоря, вопрос о специфике корпоративной ответственности сводится к дифференциации общих и специальных норм законодательства и никак не обосновывает самостоятельности корпоративной ответственности как вида гражданско-правовой в условиях развития правовых институтов современности.

В современной юридической литературе нет единого мнения об основаниях корпоративной ответственности и ее видах, как и об особенностях корпоративного правонарушения: в одних случаях указывается, что «основанием корпоративной ответственности является корпоративное правонарушение — нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом, установленных нормами законодательства о юридических лицах, учредительными и иными внутренними документами юридического

---

⁶ Утверждение такого подхода уже дало свои плоды и позволило утверждать, что «никакой общей теории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (“корпоративной ответственности”), до сих пор не разработано» (Гутников О. В. Корпоративная ответственность. М., 2019. С. 13). По этой логике получается, что обособленные теории гражданско-правовой ответственности должны быть разработаны едва ли не во всех подотраслях гражданского права вне связанности друг с другом, а это, в свою очередь, приведет к обоснованию, например, вещного или интеллектуального деликта при уже существующих универсальных нормах о гражданско-правовой ответственности и генеральном деликте. Вопрос о целесообразности утверждения такого подхода требует взвешенной оценки всех предлагаемых аргументов. Возможность построения корпоративной ответственности как вида гражданско-правовой ответственности наряду с деликтной и договорной может быть поставлена под сомнение в связи с некорректностью обосновываемого решения, ведь договорная и деликтная ответственность выделены по критерию специфики правонарушения, в то время как корпоративная ответственность позицио-

---

нирована и обусловлена содержательными особенностями корпоративных правоотношений в системе гражданско-правового регулирования. Возникает вопрос: неужели корпоративная ответственность не может быть деликтной или договорной?

лица и (или) корпоративным договором...»⁷ «тем самым появляется основание для выделения корпоративной ответственности в самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности наряду с деликтной и договорной»⁸; в других говорится, что «проникающая ответственность относится к “внешнему” виду корпоративной ответственности и применяется в отношении лиц, контролирующих корпорацию за их действия и (или) бездействие, имеющие двойственную деликтно-корпоративную природу — корпоративный деликт, которым в первую очередь является обман кредиторов корпорации, выражающийся в уклонении от исполнения обязательств перед ними»⁹. И то, и другое утверждение выглядит небесспорно. В первом случае получается, что новый вид гражданско-правовой ответственности выводится и обосновывается основанием наступающей ответственности, причем корпоративная ответственность позиционирована как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности в заведомо искаженной системе координат, ведь в юридической доктрине традиционно выделяли договорную и внедоговорную ответственность, а деликтную было принято относить к разновидности внедоговорной; а во втором получается, что корпоративный деликт имеет смешанную природу, ведущее или превалирующее значение элементов которой (корпоративный или все-таки деликтный) уловить и оценить весьма непросто. Не усматри-

вается оснований и необходимости рассматривать проникающую ответственность в контексте моделей снятия корпоративных покровов — изначально речь не идет о возложении ответственности по долгам корпорации на ее контролирующих участников, а только о расширении опций допустимой охраны интересов кредиторов за счет возможности заявления прямых требований кредиторов к контролирующим лицам при наличии достаточных оснований к этому, что в итоге призвано расширить спектр применения механизмов компенсации и предупреждения правонарушений в корпоративном праве, целостное существование которого предполагает сохранение самостоятельности юридического лица как субъекта права, в то время как перманентное усиление ответственности контролирующих лиц видоизменяет традиционные представления о сущности корпорации. Однако позволительно спросить: разве связывают внешних кредиторов корпорации с ее контролирующими лицами или менеджмента корпоративные относительные права, которым приписывается характер самостоятельности, притом что действия контролирующих лиц и менеджмента потенциально могут причинить вред как самой корпорации, так и ее кредиторам, в то время как ответственность контролирующих лиц, например, за вывод имущества или неразумную организацию бизнеса, наступает именно в связи с управлением юридическим лицом во вред его кредиторам, а не только перед самой корпорацией; не идет ли здесь речь о предпринимательском риске кредитора? Для наглядной иллюстрации такой ситуации достаточно представить себе менеджеров, списывающих средства корпорации в счет причитающихся им вознаграждений при исчерпании имущества корпорации и увеличении ее долгов. Очевидно, что в такой ситуации вред причиняется как непосредственно корпорации, так и

⁷ Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 19.

⁸ Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 146.

⁹ Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 8.

опосредованно ее внешним кредиторам, в связи с чем оказываются востребованными такие экстраординарные меры защиты. Объектом защиты в данном случае будет не искомое «особенное» относительное субъективное корпоративное право абстрактного содержания и оснований возникновения, связывающее контролирующих лиц и внешних кредиторов корпорации, а только законный интерес последних в получении дополнительных источников компенсации при совершении заведомо противоправных действий по выводу и размыванию имущественной основы деятельности корпорации, юридическая квалификация которых должна отличаться от ненадлежащего и неразумного исполнения обязанностей по корпоративному управлению.

В зарубежной юридической литературе безотносительно к особенностям корпоративного регулирования в национальном законе традиционно указывается на то, что деятельность корпорации создает риски для кредиторов, а положение внешних кредиторов корпорации и ее участников может рассматриваться в аспекте перманентного конфликта их интересов. По общему правилу участники корпорации контролируют операции компании: прямо — общим собранием и косвенно — через директоров. Участники могут получить выгоду за счет и даже в ущерб интересам кредиторов, используя различные способы, в частности: вывод активов за счет выплаты дивидендов, выкуп акций, манипуляции с инвестиционным портфелем корпорации, приводящие к ухудшению положения кредиторов. Например, корпорация принимает на себя более рискованные проекты, чем предполагали кредиторы, когда они предоставляли кредит (смещение риска), или корпорация отказывается от проектов с чистой положительной стоимостью, если только участники, а не кредиторы получают выгоду (недостаточное инвестирование).

Кроме того, участники могут поставить в невыгодное положение существующих кредиторов корпорации, если корпорация принимает на себя дополнительные долговые обязательства перед другими лицами или отдельными кредиторами и эти долговые обязательства не приводят к эквивалентному росту активов (уменьшение требований). Привлечение кредитных средств также ухудшает положение кредиторов за счет расширения обязательств корпорации. Считается, что к выгоде участников может относиться любое участие корпорации в инвестиционных проектах, если их реализация связана только с увеличением благополучия участников, но не кредиторов. В то же время и кредиторы могут ущемлять интересы участников, если их пул манипулирует решениями корпорации, что приводит к досрочному и часто избирательному погашению обязательств, отказу от выплаты дивидендов, диверсификации исполнения обязательств корпорации¹⁰. При таких обстоятельствах нельзя исключать обоюдную ответственность, наступление которой обусловлено различными юридическими фактами и основаниями, при этом, как представляется, не всегда и не все возможные потенциальные нарушения прав и законных интересов в этой сфере должны рассматриваться как разновидности деликтов.

В условиях пристального внимания доктрины и корпоративной практики вопрос о юридической природе ответственности контролирующих лиц и менеджмента (независимых директоров, членов коллегиальных исполнительных органов корпорации, единоличного исполнительного органа) требует более подробного рассмотрения. В российской юридической литературе сложилось устойчивое мнение о ее де-

¹⁰ См.: *Gullifer L., Payne J. Corporate Finance Law: Principles and Policy. Oxford, 2015. P. 177.*

ликтной природе. Однако возникает вопрос о правильности и обоснованности квалификации поведения указанных лиц как противоправного во всех случаях. На этот счет существует точка зрения, согласно которой директора связаны фидуциарными обязанностями разумного и добросовестного поведения (лояльность и недопущение конфликта интересов) при определении и реализации управленческих решений корпорацией, а суды при принятии решений вынуждены балансировать между оценкой разумности и достаточности действий директора и их экономическими последствиями¹¹. Представляется, что такие обязанности менеджмента по своей природе не являются фидуциарными, а их нарушение не отвечает признакам деликта: их возникновение следует из профессиональных стандартов управления корпорацией, и показывают они не доверительные отношения, сложившиеся между участниками корпорации и ее менеджментом, а ответственность менеджмента как профессиональных управляющих бизнесом за принятую и реализованную в пределах их полномочий бизнес-стратегию по возмездному управлению чужим «делом». Функции директора и зона его ответственности очерчены несколькими контурами: ответственность директора за организацию контроля в компании (*Organisationsverantwortung*), обязанность информирования (*Informationsverantwortung*) (информировать участников корпорации о положении корпорации), обязанность контроля за законностью действий подконтрольных лиц (*Legalitätskontrolle*). Уже только из этого следует специфика обязанностей менеджмента, которую не следует отождествлять с проявле-

нием фидуции в гражданских правоотношениях. Малоубедительны попытки обоснования фидуциарной основы деятельности менеджмента ссылками на добрые нравы и приоритет общего интереса корпорации в принятии и реализации любых корпоративных решений¹². Несомненно, масштаб бизнеса корпорации выступает существенным показателем определения должного и ожидаемого стандарта поведения привлеченных директоров, но все-таки качественно это не меняет природы возникающих в связи с этим отношений. Российской правоприменительной практикой (п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица») на директора перекладывается ответственность не за других лиц в корпорации (работников), а только за нарушение собственных обязанностей по «организации системы управления юридическим лицом», а «при оценке добросовестности и разумности подобных действий (бездействия) директора арбитражные суды должны учитывать, входили или должны ли были, принимая во внимание обычную деловую практику и масштаб деятельности юридического лица, входить в круг непосредственных обязанностей директора такие выбор и контроль, в том числе не были ли направлены действия директора на уклонение от ответственности путем привлечения третьих лиц». Излишне категоричным представляется популярное в современной российской юридической литературе суждение, что согласно цитируемому положению правоприменительной практики на директора возлагается практически безграничная ответственность, как раз здесь определяется зона ответственности на-

¹¹ См.: Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018. С. 14.

¹² См.: Hofmann C. Der Minderheitsschutz im Gesellschaftsrecht. De Gruyter. Berlin; N. Y., 2011. S. 25—34.

емного менеджмента *ex officio*, а задача закона и судебно-арбитражной практики состоит в определении разумных и допустимых пределов и объемов вменяемых обязанностей наемному менеджменту, ведущему управление чужим делом на возмездной основе.

Выяснения требует радиус действия обязанностей менеджмента, которым приписан, с нашей точки зрения без достаточных оснований, фидуциарный характер: в отношении участников корпорации, корпорации или же вовсе в отношении ее внешних кредиторов. Вопрос не кажется праздным, поскольку нарушение этих обязанностей рассматривается в аспекте основания заявления кредиторами деликтных исков напрямую к директору, который не связан с такими кредиторами никакими правоотношениями — ни корпоративными, ни обязательственными. Особенно обостряется этот вопрос в ситуации наступления объективного банкротства корпорации. На первый взгляд, казалось бы, поддержка такой экстраординарной меры объяснима интересами кредиторов при недостатке имущества, но здесь не принимается во внимание, что формирование команды профессионального менеджмента находится в сфере исключительной власти контролирующих лиц корпорации, которые оказываются в рассматриваемом случае в тени директоров — следуя такой логике, по крайней мере логично было бы рассмотреть вопрос о формах и основаниях их общей ответственности.

Возникает вопрос о наличии особых обязанностей «фидуциарного типа» в различных комбинациях между субъектами корпоративных правоотношений: между участниками корпорации и ее органами управления; между независимыми директорами и участниками корпорации в отрыве от самой корпорации и последствий их нарушения; между менеджментом и корпорацией. Прежде всего обязательства

и обязанности органов управления возникают непосредственно по отношению к юридическому лицу, а не персонально к его участникам, соответственно, менеджмент связан обязанностями непосредственно в отношении корпорации, что вполне объяснимо основанием возникновения полномочий менеджмента. Участники корпорации не несут в отношении менеджмента никаких специальных обязанностей по раскрытию информации о состоянии дел, но намеренное введение ими в заблуждение менеджера должно рассматриваться как основание снижения его ответственности перед корпорацией при заявлении соответствующих требований. Сомнительно и по сути бессодержательно обоснование особых обязанностей менеджмента перед участниками корпорации в отрыве или в дополнение к аналогичным обязанностям перед корпорацией. Во внутренних отношениях участников корпорации также не усматривается равным счетом никаких фидуциарных обязанностей, корпоративным законодательством в целях обеспечения баланса интересов устанавливаются только повышенные обязанности мажоритариев в отношении миноритариев, причем как мажоритарии, так и миноритарии не могут злоупотреблять своим корпоративным статусом при осуществлении корпоративных прав, что, впрочем, никак не обосновывает проявлений фидуции в корпоративном праве. Наконец, если считать управленческие обязанности фидуциарными, то их нарушение, как следует из сложившейся правоприменительной практики, приводит к возникновению деликтной ответственности, основание наступления которой оказывается размытым (правонарушение, особое противоправное действие, злоупотребление или вовсе неэффективная реализация управленческих полномочий, которую будет сложно отнести к деликтам), — утрата дове-

рия по российскому праву правонарушением считаться не может. Занимателен и вопрос о проявлении фидуции в правоотношениях, складывающихся в отношениях между корпорацией и ее внешними кредиторами в профессиональном предпринимательском обороте. Как представляется, существо таких отношений включает и предполагает элемент доверия (сомнительна возможность любых представлений в рамках добровольно заключенного договора в отсутствие доверия и веры в добросовестность контрагента, что подтверждается наименованием правомочной стороны в обязательстве по русскому праву — веритель), но такое положение не имеет ничего общего с лично-доверительными отношениями и веками сложившейся спецификой их регулирования в гражданском праве.

Поставленные и рассмотренные выше вопросы актуальны и для современного европейского корпоративного права. Не находится достаточных оснований для того, чтобы согласиться со следующим: идея фидуциарной обязанности менеджмента из общего права распространилась по всему миру — в наиболее молодых и развитых европейских юрисдикциях значительное время ответственность менеджмента осуществляется не по критерию нарушения фидуциарных обязанностей, а за «действия вопреки принципам элементарного свободного предпринимательства — бесхозяйственность» и непрофессионализм (нарушение компетенций, конфликт интересов, допущение паралича управления), причем при разрешении таких дел судами обязательно учитывается эффект требуемых заявителями последствий в соотношении с интересами корпорации¹³. При этом, как правило, отмечается, что такие

иски может заявить только корпорация, но не ее отдельные участники, и в этом смысле участники корпорации оказываются менее защищенными, чем ее внешние кредиторы. Вместе с тем европейское законодательство вводит ряд ограничений при разрешении спора между корпорацией и менеджментом в сравнении с прочими корпоративными спорами, что показывает специфику и важность рассмотрения соответствующих споров, для разрешения которых под сомнение ставится компетенция арбитража, а отказ от требований о возмещении убытков допустим лишь при его одобрении общим собранием участников при сохранении права вето меньшинством голосующих (10%)¹⁴. Именно внешней и дополнительной ответственности менеджмента (§ 823 BGB) уделяется внимание и в зарубежной юридической литературе, где отмечается, что в случае с директорами и в отношении третьих лиц существенно видоизменяется понимание принципа «юридическое лицо отвечает за действия своих работников как за свои собственные», поскольку расширение круга ответчиков соответствует интересам потенциальных пострадавших — третьих лиц, если есть основания полагать, что, действуя от имени корпорации, директор реализовал заведомо недобросовестное действие, нарушив права и законный интерес контрагента общества. Однако здесь нет единства подходов, поскольку в отдельных правовых системах такая дополнительная опция окажется доступной, если будет установлено, что директор собственной гарантией принял личную ответственность перед контрагентом за сделку, права и обязанности по которой приобретает корпорация — в этих условиях принято говорить о

¹³ См.: Kroeze M. J., Timmerman L., Wezeman J. B. De kern van het ondernemingsrecht. Wolters Kluwer, 2017. S. 163—174.

¹⁴ См.: Krieger G. Organhaftung und Schiedsverfahren // Gesellschaftsrecht in der Diskussion 2017 / G. Apfelbacher, I. Drescher, G. Krieger et al (Hrsg.). Köln, 2018. S. 181.

солидарной ответственности¹⁵. При этом высказано мнение о том, что во внешних отношениях менеджер выступает не как орган юридического лица, а как самостоятельное частное лицо, действия которого повлекли причинение вреда, что указывает на неправильность постановки вопроса о внешней ответственности органа юридического лица — «статус юридического лица как стороны должен быть очевиден для договорного партнера»¹⁶. Однако принятие такого подхода позволит рассматривать менеджера вне связи с корпорацией. Подходы развитых правовых порядков на этот счет не являются однообразными, например, французским правом предполагается, что для обоснованности прямого иска к директору требуется доказанность законного интереса кредитора, т. е. причиненный ему вред не должен покрываться причиненным вредом корпорации, а оспариваемое действие директора должно приходиться в противоречие с его обязанностями (выходить за их пределы) — *faute séparable de ses fonctions* (Cour de cassation 10 février 2009 n° de pourvoi: 07-20445; Cour de cassation 20 mai 2003 n° de pourvoi: 99-17092).

Применение модели деликтной ответственности менеджмента и контролирующих лиц корпорации провоцирует постановку и разрешение вопроса о признаках вменяемой им деликтной ответственности и, в частности, критериях определения вины и противоправности. Может ли и должна ли идти речь о виновной ответственности в этих случаях? По прямому указанию российского закона (ст. 53¹ ГК РФ) привлечение директора к ответственности предполагает доказывание и доказанность только того, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей директор действовал недобро-

совестно и неразумно, т. е. речь не идет о доказывании вины в ее гражданско-правовом значении как условия ответственности за нарушение обязательств по п. 1 ст. 401 ГК РФ. Другое дело, что установление неразумного и недобросовестного поведения менеджмента потребует установления должного стандарта делового управления бизнесом с определением возможных и допустимых ситуативных погрешностей, что обусловлено нормальным предпринимательским риском, разделяемым корпорацией при привлечении внешнего управления — профессионального менеджмента. Соответственно, при обосновании ответственности контролирующих лиц и менеджмента неотносимой должна считаться ссылка на презумпцию невиновности директора, что следует учитывать при теоретическом моделировании составов и признаков гражданско-правовой ответственности менеджмента в корпоративных правоотношениях. Может сложиться впечатление о действии особого иммунитета «правила делового решения», которое могло бы исключить ответственность менеджмента, но абсолютизация такого подхода чревата созданием защитного щита уже для менеджмента, апеллирующего к формальному соблюдению всех принятых корпоративных процедур, что оказалось недостаточно для эффективной реализации управленческой функции. Юридическая квалификация такой ответственности предполагает оценку экономических отношений между корпорацией и ее менеджментом, которые не вписываются в стандарты договорной или деликтной ответственности, требуется оценить стимулы и рациональность поведения менеджера, принявшего управленческое решение в аспекте исключения его личной заинтересованности. По природе складывающихся корпоративных отношений не усматривается достаточных оснований для утверждения, что

¹⁵ См.: Bar C. *Gemeineuropäisches Deliktsrecht*. München, 1999. S. 212.

¹⁶ См.: Grunst C. *Der Geschäftsleiter im Deliktsrecht*. München, 2016. S. 318—327.

ответственность органов юридического лица предопределяется существом аналоговых обязательственных (договорных) правоотношений между лицами, входящими в состав этих органов, и юридическим лицом. Именно полномочия директора и ожидаемые формы их реализации в его управленческой деятельности, а равно и критерии определения ненадлежащего корпоративного управления препятствуют отнесению правоотношений между ним и корпорацией к числу обязательно-правовых (договорных).

Становление и развитие понятия и состава корпоративного деликта (*Korporationsdelikt*) в доктрине европейского частного права. Изначально происхождение корпоративного деликта связывалось с фиктивной природой корпорации как участника гражданских правоотношений и вынужденным поиском персонифицированного физического лица, действия которого с наибольшей степенью очевидности сформировали и впоследствии реализовали противоправное волеизъявление юридического лица в отношении третьих лиц: различные составы противоправного вывода или присвоения чужого имущества, при которых учитывалась недобросовестность конкретного лица (члена органа, участника и др.), что означало не что иное, как отступление от архаического принципа корпоративной ответственности «все за одного, как и один за всех»¹⁷. Здесь же обсуждается вопрос об освобождении корпорации от ответственности за причиненный ее действиями вред, если будет доказано, что за такие противоправные действия должен нести персональную ответственность конкретный участник или менеджер. Нетрудно увидеть, что такое понимание не учитывает всех проявлений и сегментов развития корпора-

тивных правоотношений в их нарушенной стадии: возможность совершения противоправных действий в отношении внешних кредиторов корпорации, отдельных ее участников (миноритариев) мажоритариями и (или) менеджментом, ограничение корпоративного деликта формой противоправного присвоения имущества.

Вопрос о формах вреда, причиняемых корпорации с перспективой возмещения, требует более подробного рассмотрения на базе не только континентального, но и общего права. Английскому праву известен особый вид деликтов в корпоративных отношениях — *tort of conspiracy*.

У современных английских юристов вызывает беспокойство практика Европейского суда, все чаще воспринимаемая законодательствами и судами правовых систем современности, согласно которой корпорациям присуждается право взыскания неимущественного вреда по различным и заранее не определенным законом основаниям¹⁸. Сложность единообразного решения вопроса связывается с тем, что в отличие от физического лица интересы корпорации изначально не предполагают возмощности вмешательства в них с последствиями причинения вреда физической, умственной и эмоциональной сфере юридического лица, как это было бы возможно в отношениях с участием физических лиц, но принцип справедливости, равенства участников гражданских правоотношений и правосубъектность корпорации не могут исключать возможность присуждения корпорации причиненного неимущественного вреда, что предполагает обоснование и определение таких случаев, отличающихся от неимущественного вреда, причиненного физиче-

¹⁷ См.: *Gierke O. F. Das deutsche Genossenschaftsrecht*. Berlin, 1913. Bd. 4. S. 140—143.

¹⁸ См.: *Wilcox V. A Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss*. Cambridge, 2018. P. 180.

скому лицу (репутационный вред — причинение вреда имиджу корпорации, гринмейл, Goodwill). Едва ли удастся выработать закрытый перечень таких случаев, поскольку формы проявления и виды нематериального вреда модернизируются вместе с развитием регулируемых правом социально-экономических отношений, в то время как оценить размер компенсации с соблюдением принципа эквивалентности весьма проблематично, тем более в отсутствие разработанных для этого специальных методик, что в известной степени устраняло бы разность судебного усмотрения и неоднородности правоприменительной практики. С сожалением констатируется: «...английские суды и подавляющее большинство судов Совета Европы не сочли целесообразным прийти к заключению, что компания имеет тело, ум или эмоции, а это влияет на то, на какие права и средства правовой защиты компания может претендовать». Однако любые проявления отождествления корпорации с физическим лицом, как представляется, здесь будут малополезны — суд должен выявить интерес непосредственно корпорации (не ее участников и контролирующих лиц), затронутый причинением вреда, и оценить законность действий его причинителя — возможность защиты корпорации от любого причинения вреда должна сохраняться. Вероятно, это касается и вмешательства в частные дела корпорации (тайна частной жизни), воспрепятствования осуществлению ею собственной правосубъектности, нарушения неприкосновенности ее местонахождения и тайны корреспонденции, что гарантировано международными актами о правах человека для физических лиц. Главным аргументом принятия такого подхода должны выступать критерии разумности, равенства участников гражданских правоотношений и справедливости, которые не гасятся возражениями об

отсутствии у корпорации антропоморфических черт — «корпорации не обладают телом, умом или эмоциями не только потому, что они не являются необходимыми и надлежащими для того, чтобы позволять компаниям достигать своих целей, но также и потому, что такое применение потребовало бы чрезмерного расширения воображения»¹⁹. Позволительно спросить, неужели возмещение морального вреда может полагаться на критерии оценки, отличные от моделируемых сознанием и усмотрением судьи — трудно установить, какой аспект оценки заранее будет в наибольшей степени соответствовать неденежному вреду. В конечном счете при рассмотрении споров о возмещении причиненного вреда юридическим лицам суд оценивает вред, причиненный их правосубъектности, при этом, думается, суд не должен быть связан обязанностью поиска «человеческих составляющих» и «страданий» (расстройство деятельности, дезорганизация управления и принятие вынуждаемых корпоративных актов и др.) корпорации (company's human components) как обязательного условия присуждения корпорации немущественного вреда, но это не мешает учитывать все обстоятельства дела, в том числе только что приведенные — вопрос лишь в степени допустимой аналогии.

В российском праве обращается внимание на необходимость признания правоохраняемой ценности нематериальных благ юридического лица, излишним видится только широкое понимание морального вреда при очевидной разнице существа морального и репутационного вреда²⁰.

Французское право по сложившейся традиции рассматривает кор-

¹⁹ *Wilcox V. Op. cit.* P. 183.

²⁰ См.: *Садиков О. Н.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам гражданского права // Журнал российского права. 2013. № 12.

поративные правонарушения в отрыве от компенсационных гражданско-правовых мер преимущественно в разделе публичного (административного и уголовного права) — *droit pénal des affaires*, что показывает строгость пресечения и весомые гарантии предупреждения противоправного поведения в этой сфере вследствие его потенциальной угрозы нормальному состоянию оборота. Доктрина и практика выделяют и обосновывают самостоятельные составы противоправных и вредоносных действий в сфере корпоративного права широкого спектра применения и юридической квалификации при условии, что ущерб от их совершения составил 3750 евро и более: от коррупции и злоупотребления доверием до любых форм растраты и вывода имущества корпорации, включая случаи фиктивного

распределения дивидендов, а также любого поведения против общих интересов корпорации и притеснения законных интересов ее отдельных участников²¹. Особое внимание уделяется пресечению и предупреждению действий по выводу имущества корпорации (*abus de biens sociaux*)²².

²¹ См.: Rozés J.-B. *Les Dirigeants et les infractions pénales*. Paris, 2017; *Cours de Droit pénal des affaires...* Правда, постоянно ставятся вопросы о декриминализации или по крайней мере о смягчении ответственности за соответствующие составы правонарушений. См.: *Rapport au garde des Sceaux, ministre de la Justice*. Paris, 2008. P. 1—9.

²² См.: *Dondero B. Inapplicabilité du délit d'abus des biens sociaux dans le cadre d'une société de droit étranger. Commentaires de droit des sociétés* // *Maître de conférences à l'Université Paris I — Panthéon Sorbonne*. Paris, 2005.

Библиографический список

- Bar C. *Gemeineuropäisches Deliktsrecht*. München, 1999.
- Dondero B. *Inapplicabilité du délit d'abus des biens sociaux dans le cadre d'une société de droit étranger. Commentaires de droit des sociétés* // *Maître de conférences à l'Université Paris I — Panthéon Sorbonne*. Paris, 2005.
- Gierke O. F. *Das deutsche Genossenschaftsrecht*. Berlin, 1913. Bd. 4.
- Grunst C. *Der Geschäftsleiter im Deliktsrecht*. München, 2016.
- Gullifer L., Payne J. *Corporate Finance Law: Principles and Policy*. Oxford, 2015.
- Hofmann C. *Der Minderheitenschutz im Gesellschaftsrecht*. De Gruyter. Berlin; N. Y., 2011.
- Krieger G. *Organhaftung und Schiedsverfahren* // *Gesellschaftsrecht in der Diskussion 2017* / G. Apfelbacher, I. Drescher, G. Krieger et al (Hrsg.). Köln, 2018.
- Kroeze M. J., Timmerman L., Wezeman J. B. *De kern van het ondernemingsrecht*. Wolters Kluwer, 2017.
- Reehuis W. H. M., Heisterkamp A. H. T. *Goederenrecht*. Deventer, 2001.
- Rozés J.-B. *Les Dirigeants et les infractions pénales*. Paris, 2017.
- Wilcox V. *A Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss*. Cambridge, 2018.
- Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
- Гогин А. А. *Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты*. М., 2016.
- Гусаков А. *Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима*. М., 1896.
- Гутников О. В. *Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2019.
- Гутников О. В. *Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2019.
- Гутников О. В. *Корпоративная ответственность*. М., 2019.
- Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. *Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие*. М., 2017.
- Петров И. Н. *Проблемы повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушение обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 1975.

Садиков О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам гражданского права // Журнал российского права. 2013. № 12.

Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.

Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018.

Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951.

References

Bar C. Gemeineuropäisches Deliktsrecht. München, 1999.

Bykanov D. D. "Pronikayushchaya otvetstvennost" v zarubezhnom i rossiyskom korporativnom prave. Cand. diss. thesis. Moscow, 2018.

Dondero B. Inapplicabilité du délit d'abus des biens sociaux dans le cadre d'une société de droit étranger. Commentaires de droit des sociétés. *Maître de conférences à l'Université Paris I — Panthéon Sorbonne*. Paris, 2005.

Fleyshits E. A. Obyazatelstva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya. Moscow, 1951.

Gierke O. F. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Berlin, 1913. Bd. 4.

Gogin A. A. Pravonarushenie: obshcheteoreticheskiy, mezhotraslevoy i otraslevoy aspekty. Moscow, 2016.

Grunst C. Der Geschäftsleiter im Deliktsrecht. München, 2016.

Gullifer L., Payne J. Corporate Finance Law: Principles and Policy. Oxford, 2015.

Gusakov A. Delikty i dogovory kak istochniki obyazatelstv v sisteme tsivilnogo prava Drevnego Rima. Moscow, 1896.

Gutnikov O. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost v otnosheniyakh, svyazannykh s upravleniem yuridicheskimi litsami. Dr. diss. thesis. Moscow, 2019.

Gutnikov O. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost v otnosheniyakh, svyazannykh s upravleniem yuridicheskimi litsami. Dr. diss. Moscow, 2019.

Gutnikov O. V. Korporativnaya otvetstvennost. Moscow, 2019.

Hofmann S. Der Minderheitsschutz im Gesellschaftsrecht. De Gruyter. Berlin; New York, 2011.

Krieger G. Organhaftung und Schiedsverfahren. In G. Apfelbacher, I. Drescher, G. Krieger et al (Hrsg.). *Gesellschaftsrecht in der Diskussion* 2017. Köln, 2018.

Kroeze M. J., Timmerman L., Wezeman J. B. De kern van het ondernemingsrecht. Wolters Kluwer, 2017.

Petrov I. N. Problemy povysheniya effektivnosti zakonodatelstva ob otvetstvennosti khozorganov za narushenie obyazatelstv. Dr. diss. Moscow, 1975.

Reehuis W. H. M., Heisterkamp A. H. T. Goederenrecht. Deventer, 2001.

Rozès J.-B. Les Dirigeants et les infractions pénales. Paris, 2017

Sadikov O. N. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Civil Law Questions. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 12, pp. 20—32. (In Russ.)

Samoshchenko I. S. Ponyatie pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatelstvu. Moscow, 1963.

Smirnov V. T., Sobchak A. A. Obshchee uchenie o deliktnykh obyazatelstvakh v sovetskom grazhdanskom prave. Leningrad, 1983.

Stepanov D. I., Mikhalechuk Yu. S. Otvetstvennost direktora pered korporatsiey za prichinennye ey ubytki v sudebnoy praktike. Moscow, 2018.

Wilcox V. A Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss. Cambridge, 2018.

Yegorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. Deliktnye obyazatelstva i delikt'naya otvetstvennost v angliyskom, nemetskom i frantsuzskom prave. Moscow, 2017.